

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Привалова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл
«ХОЗЯИН ГОР»

ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК
КРОВЬ ДАНОВ
ВАЖНОЕ ВРЕМЯ
НОВЫЕ СОСЕДИ

ПРОЛОГ

Ретур Равар, будущий наместник новой имперской провинции Толгава, прощался с Арной. Лихие порубежники с гиканьем загоняли коней в реку, поднимая тучи брызг, и скрывались в зарослях ивняка.

«Вот оно как, — заметил вчерашний казначей, — зашли в воду в Арнской империи, а вышли уже в землях толгувов... Пока еще в землях толгувов».

Недолго осталось лесным дикарям владеть таким богатством! Лига меча пригнала на окраину державы немаленькое войско, замыслив небывалое — разом подмять под себя непокорных соседей, одним ударом расширить Империю, отодвинув границу вглубь бесконечных лесов.

Ретур рассеянно посмотрел под копыта коня на привычное с детства, незамечаемое в сутолоке будней гладкое дорожное полотно — гордость Империи. Затем перевел взгляд на другой берег: дорога, ныряя в речушку широким трактом, выныривала узкой грунтовкой.

«Странное дело, — подумал Ретур, рассматривая плотно подогнанные камни, — мог ли я представить, выйдя из дому месяц назад, поспешая на совет старших, что путь приведет меня сюда? Хорошую шутку приготовил для меня хитроумный Пагот! Непременно повелю обустроить имперские дороги, — решил он. — Какая ж Империя без тракта? Вначале посмотрю, что за жилье мне приготовили — не в хлеву же жить... Говорят, в толгувском городище под пару сотен домов будет, но кто его знает... Да... Сначала — имение для наместника, потом дороги. Не зря ведь такую толпу дармоедов тащили через половину страны...»

Он глянул назад, где вдали, скрываясь за длинной колонной пеших воинов, катились повозки обоза и топала многочисленная челядь. Нынче Лига меча решила оставить с носом Торговый союз и не пустить торговцев в новые земли. Вот и шли позади бывалых воинов каменотесы, кузнецы, столяры, пекари, бондари и прочий работный люд. И он, вчерашний казначей, а теперь наместник еще не завоеванной провинции, ехал вместе с командующим войском, прославленным Форксом Герсом.

Сдавив бока коню, Ретур пустил скакуна в реку. Провожая кормильца, родичи напрасно пугали казначея студеной зимой, льдом и сугробами: ночной морозец лишь слегка прихватывал влажную землю, отступая и прячась с восходом солнца. Река не застыла, и холодная вода неторопливо струилась меж пологих берегов. Речушка оказалась неглубокой, и Ретур даже не замочил сапог, поравнявшись на мелководье с поджидающим Форксом. Вместе они ступили на землю толгувов и взобрались на холм неподалеку, откуда совсем недавно раздался бойкий перестук молотков.

— Как тебе твоя земля, наместник? — сухо улыбнулся Форкс.

Командующий злился. Зачем Лига отправила в поход столько мирных? Зачем навязала казначея Ретура, словно в насмешку наградив их равными полномочиями? За что отняли законное время веселья и трофеев? Почему нельзя как обычно влечь повоевать и пограбить и лишь затем передать завоеванное Империи?

— Ты же знаешь, — проворчал Равар, бросив слуге поводья, — кабы не Лига... Немолод я уже в такую даль забираться...

Казначей Ретур Равар сызмальства имел дело с учетными листами, книгами, грудами товаров и общаться с людьми недолюбливал. И никогда по доброй воле не отправился бы невесть куда, пусть даже и наместником. Но Лига меча умела убеждать...

Слуги помогли Ретуру спешиться, и казначей деревянной походкой прошагал к богато украшенному двойному высокому креслу с наброшенными шкурами горных львов и мягкими подушками. Трон, сделанный на заказ, тащили от самой Арны, — и сейчас ему нашлось применение. Наместник рухнул на сиденье и с наслаждением вытянул ноги. Привычный

к длительным переходам Форкс молодежато спрыгнул с коня и опустился рядом. Соправителям поднесли вина.

— Это тебе все равно — что здесь воевать, что в болотах Амарана, что в степях Арзрата, — негромко посетовал Равар. — А я.. Начальство нож к горлу приставило: хочешь место сыну оставить — иди в Толгаву наместником.

Сидя на возвышении, он лениво наблюдал, как рассыпавшиеся по окрестным полям верховые разъезды стягиваются обратно, кучкуясь на обочине. Из далекого леса показался большой отряд. Воины все выезжали и выезжали из-за стены деревьев, держа путь к переправе. Это показались союзные воины-толгувы, будущие имперские подданные.

— Идут? — спросил Равар, оглаживая гривастые львиные головы подлокотников и щурясь на солнце.

— Идут, — кивнул Форкс.

Герс внимательно разглядывал, как преодолевшее брод имперское войско растекается по сжатому полю. На сегодня прошли достаточно — воины споро растягивали палатки, окапывали очаги, возводя лагерь. Порубежники, встав у кромки леса, уже воткнули колья и выставили дозорных. Остальные разбрелись по полю, переругиваясь и выбирая место посуше. Форкс поджал губы, но не успел раскрыть рот, как от группы всадников за спиной отделилась пятерка воинов. Нахлестывая коней, они бросились наводить порядок. Сотники не зря ели свой хлеб.

Толгувы приблизились, и Ретур Равар с интересом разглядывал чужаков. Местные разительно отличались от имперцев: все как на подбор высокие, широкоплечие, длиннородые и длинноволосые: кто-то заплетал косы, кто-то собирал волосы в хвост на затылке, а кто и вовсе носил распущенными.

Возглавляющий процессию воин заметно выделялся из толпы: рослый даже среди соплеменников, он брил голову наголо, на имперский манер. Подъехав к подножию холма, воин поднял руку.

Лагерь замер, присматриваясь к союзникам. Молодой толгув спешил и двинулся наверх. Он остановился в пяти шагах от двойного кресла и встал на колено, положив перед собой длинный меч отличной работы.

— Я, Сегимиус Толгв, верный клятве, привел своих воинов, сиятельнейшие! — громко и зычно произнес он, твердым

взглядом взирая на соправителей. — Полсотни конных сей день привел навстречу, оставив союзное войско стеречь переправу.

Толгв казначею не понравился. Слишком открытый взгляд, слишком прямая спина, — даром что стоит на колене. «Уж больно дерзок», — решил Равар.

— Исполнил ли ты повеление Лиги меча, сотник Сегимиус? Взял ли ты под свою руку племена, что живут на землях между реками? — сдвинув брови, грозно спросил Форкс. — Приняли ли они власть Арны над собой?

— Исполнил, сиятельнейшие! — звонко ответил Сегимиус. — Приняли!

Ретур вновь поморщился. Полжизни он провел на складах и в казначействе, перевидал столько сотников — не счесть. Все они смиряли прыть и норы, столкнувшись с властью выше своей. Ни один из них не отвечал командиру с такой отчаянной радостью, не пряча взор. Равар покачал головой.

— Обустроил ночлеги, набрал провизии? — Форкс поднялся с кресла.

— Все исполнил, как было решено меж нами! — раздался ответ. Союзное войско одобрительно загудело за спиной предводителя.

«Голову побрил на имперский манер, а усы оставил, — продолжил изучать толгува Ретур, разглядывая переплетенные серебряной проволокой висячие усы воина, перехваченные на кончиках золотыми кольцами. — Шерстяная рубаха обычная, армейская, а ноги — в дикарских шароварах... Да и плащ — не имперский, местный».

Бывший казначей не мог отделаться от мысли, что перед ним ряженный.

— Ну, хорошо! — хмуря брови, пробасил командующий, спускаясь с дощатого помоста к склоненному толгуву. Нагнувшись, он взял воина за плечи и разрешил подняться. А потом со всего маху хлопнул того по груди, отчего раздался гул, и захохотал. — А то смотри, Сегимиус, ты меня знаешь! — Он вновь хлопнул собеседника и слегка прижал к плечу.

— Я тебя знаю, Форкс! — захохотал в ответ довольный толгв.

— Ставку уже разбили, — махнул рукой Форкс в сторону огромного яркого шатра. — Идем-идем, — подталкивая впе-

ред молодого союзника, торопил Форкс. — Наместник Ретур, что же ты? Идем повечеряем!

Недовольно зыркнув в спины вояк, увлеченных друг другом, Ретур Равар направился к шатру. Поесть определенно стоило — он успел порядком проголодаться.

— Вино! — хохотал во все горло Сегимиус, сметая со стола оливки. — Вино уже давно покорило эти земли! — В подтверждение сказанного союзник поднял полную чашу и с показной пьяной торжественностью произнес: — За Империю!

Форкс и Равар в ответ подняли свои кубки. Выпили. В шатер натащили жаровен, устелили землю коврами, и пирующие быстро размлели в тепле, изрядно отяжелев от съеденного. Наступило вечернее время вина и живого славословья.

— Ты бы знал, наместник Равар, сколько толгувы платят за божественный нектар! Даже самый распоследний бедняк уже воротит нос от пива; он готов взять меч и отправиться в дальний поход, дабы добыть монет на вино! Империя выстроит дороги, и благословенный дар Пагота рекой хлынет в наши леса! Уже за одно это толгувы восславят арнский престол! — выкрикнул молодой воин и допил чашу, стряхнув капли на землю.

Он икнул, отер ладонью роскошные усы и слегка покачнулся.

— Я сейчас... сиятельнейшие. — Он ринулся к выходу, откидывая занавесь, и вывалился из шатра. Его провожал зычный басовитый хохот Форкса — пирушка в походном шатре наконец-то развеселила хмурого командующего.

— Ты же терпеть не можешь дикарей, — поджал губы Равар. Наместник уже достаточно выпил и немного помягчел, но червяк недоверия не прекращал точить изнутри. — Что ты так носишься с толгувом этим...

— С Сегимиусом? — хлопнул ладонью по столу Форкс. — Я достаточно прошел с ним плечом к плечу, Равар. Он вырос от простого десятника до сотника на моих глазах. Гордец! Лишь став сотником и выслужив гражданство, признался, стервец, что он княжий сын в своих землях...

За шатром слышались характерные звуки — молодого сотника аж выворачивало, так тошнило. Форкс по-отечески улыбнулся.

— Отвык за пару месяцев пить по-нашему, — хмыкнул он. — Ничего... А толгувы... Они неистовы в бою, никогда не показывают врагу спину и не отступают... Отличные воины!

— Ага, вот только это мы идем завоевывать их, а не они нас, — проворчал Равар.

— Они бесхитростны, как дети... — махнул рукой Форкс. — И всё не могут решить, в ком больше доблести, чей род достойней встать над другими. Вот и режут друг дружку почему зря в своих лесах. Хорошие враги.

Опорожнив желудок у густого раскидистого кустарника, толгув разогнулся, вытирая рукавом губы и оглядываясь. В кустах угадывалась притаившаяся фигура.

— Сегимий, анэска аз? — послышался осторожный шепот, и незнакомец протянул руку из ветвей. На раскрытой ладони белела пара крупных птичьих яиц.

— Аэ, — кивнул Сегимиус, встряхивая головой, и торопливо выпил яйца. Выглядел он собранным и трезвым. Однако вскоре, развернувшись к освещенному шатру, сотник двинулся обратно прежней нетвердой походкой, с блаженной улыбкой на лице.

Утро началось с переполоха — наемники-арзратцы поймали толгува. Дикарей было несколько, они наблюдали за лагерьем с дальнего холма у поворота реки. Увидев всадников, лесовики порскнули в разные стороны и скрылись в перелеске. Словить удалось только одного, самого неудачливого. Сдав пленного, арзратцы надеялись на поощрение и горланили во весь голос, чтобы сиятельнейшие знали, кто добыл лазутчика.

Сиятельнейшие услышали. Форкс рыкнул, и ему тотчас принесли умываться. Вместе с ведром подогретой воды приталили пленного. Вскоре позвали Сегимиуса — одетый в меховое рваньё толгув хлопал глазами, не разумея высокой речи. Ретур, прихлебывая горячий взвар, искоса поглядывал на союзника. Тот выглядел бодрым и свежим, словно не он упился вчера, уснув под столом. Молодость...

— Кто таков? — ткнул в пленника Форкс.

— Так охотник, видно же, — пожал плечами Сегимиус и перевел. Выслушав сбивчивый ответ, кивнул. — Да, охотник...

— Глаза пялили, потом дали деру, — вытирая лицо, проворчал Форкс. — То твои дела, наместник. Меня не касаются, — отрезал он и направился к выходу.

— На столб. Пусть порадует, — велел Равар, промокая платочком испарину и украдкой разглядывая Сегимиуса. Тот спокойно смотрел, как радостные наемники потащили пленника прочь. Вытесывать столб и вкапывать в землю арзратцы не стали — некогда. Бедолагу наскоро примотали к придорожному деревцу, заведя руки назад.

— Взрежем улыбки! Восславим Пагота! — заорали арзратцы. Поймавший охотника наемник достал кинжал и двумя короткими движениями располосовал щеки пленному. Тот взвыл и забился в путах. Арзратцы засмеялись, а палач отсек ветку, наскоро обкорнал и вставил прут в разрезанный рот толгува, распялив в кровавой улыбке.

— Пусть смеется железо! — громко крикнул горбоносый, взмахивая клинком.

— Пусть смеется железо! — закричали соплеменники. — Смейся, Пагот!

Равар наблюдал за Сегимиусом. Многие имперцы в лагере отворачивались и прятали глаза — жителям внутренних провинций обычай арзратцев пришлось не по нутру. А вот Сегимиус смотрел равнодушно — видно, и впрямь за годы войны подле Форкса навидался всякого.

— Собираемся, — разогнал толпу гонец командующего. — Верховые уже отправились! Живей, живей!

— Наемники... Лентяи, как есть лентяи, — покачиваясь в седле, заметил Форкс. Покинутый лагерь остался позади, и дорога ползла среди перелесков и огромных полян, на которых окрестные толгувы растили рожь, скрываясь в величественном лесу. — Даже с пленным сжульничали... Кто ж к дереву мотает, — приказано же: на столб... У меня в Арзрате, на границе, на дальней заставе служил один упрямец, Крент Грис...

Ретур услышал знакомое имя и вскинулся, а довольный Форкс, ожидавший именно этого, махнул рукой:

— Верно-верно, тот самый... До того, как братец его возвысился, под моим началом ходил. Заставу свою в кулаке держал. Так он в поход нарочно с собой столбы брал... Видано ли?

— Зачем? — не понял наместник. Таскать по безводной степи столбы — та еще морока...

— Много ты в степи деревьев видел? То-то и оно... Пока не замирились, Крент всех пленных степняков к столбам приколочивал, гроздьями. Говаривали, лично Пагота славил, — усмехнулся Форкс. — Не брезговал испачкаться...

Командующий всюду травил байки из прошлых военных походов, а свита угодливо похохатывала в ответ. Наместник заскучал, подумывая перебраться в повозку и немного подремать. Прежде чем въехать в молчаливый настороженный лес, Ретур оглянулся и увидел вдалеке шелестящие высохшими листьями кроны раскидистых дубов.

«Неужели это одна из священных дубрав толгувов?» — с внезапным интересом подумал казначей. Ему вдруг захотелось плюнуть на все и поехать по полю к могучим деревьям. Но вместо этого наместник покосился назад, в хвост колонны, где катились телеги обоза. Где-то там везли в бочках земляное масло — старшие из Лиги меча велели жечь священные рощи, облив маслом, дабы сердца покоренных толгувов преисполнились страха.

Равар вздохнул. Палить хорошую древесину он почитал сущей дуростью, уж кто-кто, а он точно знал, сколько стоит древесина столетнего дуба... А сжигать деревья, обливая и вовсе бесценным нынче, после восстания в горском Колодце, земляным маслом — дуростью вдвойне.

Однако Лига меча так и не научилась считать монеты. Старшие Лиги закусил удила, решив во что бы то ни стало обставить Торговый союз, уведя новосозданную провинцию из-под носа купцов. Ради этого решили даже кинуть кость жрецам Пагота, подпалив дубравы дикарей во славу Хохотуна.

«Пожалуй, парочку рощ придется-таки сжечь, — скривившись, решил про себя Ретур. — Раз уж старшие захотели подмаслить жрецов. А потом... Потом обойдемся елками. Или соснами... Какие из них смолистее? Зачем палить ценные дубы, когда рядом растут дармовые сосны?.. — Тратить на поджоги ценное масло казначей и не думал. — Насмешник прикроет подлог, такие шутки ему по нраву. Ну а в благодарность он принесет богу иные требы. Например, повелит наемникам развесить на столбах жителей пары-другой деревень, со взрезанными улыбками...»

С этими бодрящими мыслями наместник наконец въехал под лесные своды, и вокруг сразу стало неудобно. Зима-старуха раздела веселый лес, содрав зелень одежд и оголив нутро — по обеим сторонам дороги Равар видел лишь бурелом поваленных толстенных деревьев, выворотни торчащих корней и обломанные пни.

— А помнишь?.. — веселил командующего Сегимиус. — В Амаране напутали, на союзных болотников напрыгнули? Как толстяки заорали: «Булог! Булог!!!», тряся трезубцами, так пятая сотня едва не обделалась!

Форк улыбнулся воспоминаниям и кивнул. Свита загомонила, оживленно переговариваясь, — воякам было что вспомнить. «Грубость, дикость и пустота...» — вздохнул Равар. Он развернул коня в хвост колонны. Трястись в седле и дальше, выслушивая глупые побасенки, казначей не собирался и лишь кисло кивнул в ответ на глумливую гримасу Форкса.

Следом за командующим выступала конная гвардия, лучшие из лучших, ветераны, прошедшие с Герсом не одну кампанию. Затем виднелись меховые накидки союзных толгувов, а за ними топал костяк войска и гордость империи — провинциалы и порубежники. Где-то посреди них затесались и наемные арзратцы, из которых, после недолгих колебаний, будущий наместник решил устроить свою Внутреннюю стражу. Первое время дико будет не хватать дорожников, их умения обращаться с пленными и рабами, их многолетнего опыта подавлений мятежей. Но... чего нет, того нет — дорожников давным-давно захомутал Торговый союз, а торговцам в новую провинцию путь заказан. Так что придется наемным арзратцам учиться на месте...

Вдруг с оставленной позади поляны послышались глухой стук, лязганье и приглушенный грохот. Имперское войско — рой опасных железных пчел — загудело, встревожилось; воины закрутили головами, ища опасность. Но голый лес молчал. Поднявшаяся сумятица волной докатилась до наместника.

— Местные! — верещал кто-то. — Ободрыши бородатые обоз потрошат!

— На обоз кинулись! — вторили следом.

— За яйца нас схватить решили! — возмущался третий.

Войско, стиснутое на узкой лесной дороге, взволновалось. Воины лапали мечи на поясе, с досадой вспоминая, что при-

вычные копыта и щиты покоятся позади, в телегах. Союзники-дикари гарцевали, громко переговариваясь по-своему. Из свиты командующего отделилась знакомая фигура молодого Сегимиуса.

— Я втопчу их в грязь, Форкс! В грязь! Не сомневайся! — громко и зло хохоча, толгув пронесся по обочине. Пешие разбежались перед ним, а соплеменники с гиканьем рванули следом. Вскоре союзники скрылись и со стороны поляны раздались крики и звуки схватки. Вдруг наместник, переводящий взгляд то назад, где скрывался невидимый обоз, то вперед, на застывшего в начале колонны командующего, краем глаза заметил движение в лесу. Равар увидел темные фигуры, словно выросшие из-под земли. Они ловко запрыгивали на завалы из бревен.

«Что за...» — мелькнула глупая мысль, когда из леса раздался протяжный низкий звук рога. Ему вторил еще один рог, подальше, а потом вдруг пронзительно загудели трубы во круг. Размахнувшись, лесовики отправили в толпу имперцев тучу дротиков. А потом еще и еще. Дротики летели и летели сверху вниз под веселую переключку рогов, с легкостью находя мишени. Целиться лесовикам не приходилось — промахнуться мимо сгущенного имперского войска не смог бы и ребенок. Раздались первые вскрики боли, отрывистые команды десятников, ржание коней. Огромная разлапистая ель на обочине покачнулася и медленно завалилася на дорогу. Взмахнув мохнатыми ветвями и подпрыгнув, она погребла под собой отряд провинциалов. Следом за ней в гущу воинов стали валиться и другие деревья.

— Что замерли, жабы дети?! — раздался вопль Форкса. — На меч их! На меч! Вперед, вперед!

От грозного рева командующего войско встрепенулось. Воины низко пригнулись к земле, сжимая мечи, и понеслись вглубь леса навстречу летящим дротикам. Быстро бежать вверх по склону, оскальзываясь на влажной земле, перепрыгивая через толстенные стволы, не получалось, и то один, то другой пронзенный воин падал, но остальные упрямо рвались вперед, подбадривая друг друга яростным ором.

— Арн! Арн! — ожил лес от множества луженых глоток.

Вновь раздался глубокий зычный голос рога, затмивший боевые кличи имперцев, и ему отозвался многоголосый вол-

чий вой. Выли за спиной Ретура, и испуганный казначей шустро развернулся. Среди деревьев виднелись мелькающие серые тени. Они замирали, поднимая лицо кверху, и выли по-волчьи, потрясая оружием, а затем вновь бросались вперед.

Имперцы повернулись навстречу новой угрозе. Первых людей-волков встретили как надо — железом, и бездыханные лесовики рухнули в жидкую грязь. Равар как следует смог разглядеть нападавших. Те оказались настоящими оборванцами: на голое тело дикарей накинута шкура, опоясанные цепью, а на голове вместо шлема — волчьи головы, на ногах — поршни. Разве что мечи неплохи... Лишь на некоторых павших виднелись кое-какие кожаные доспехи и нагрудные пластины.

«И эти дурни решили, что смогут победить?» — удивился Равар, когда над ухом прогудел топорик. Наместник запоздало пригнулся, и сзади раздался всхлип и звук рухнувшего тела. Вторая волна волков-толгувов дружно швырнула метательные топоры и с воем набросилась на имперцев. Дротики продолжали сыпаться со спины, топорики сбили с ног многих — и лесовики сцепились с имперцами, разбив их строй. Зазвенело оружие, и битва разбилась на отдельные схватки.

— Сплотить ряды! — раздалась команда. Казначей узнал голос Герса. Послышался гул, задрожала земля, и Форкс с гвардейцами разметал нападавших, словно сильный порыв ветра сухую листву.

— Вперед, вперед, на поляну! — погнал своих людей Герс. Увидев Равара, он кивнул ему и крикнул: — Полусотник! Охранять наместника! Держаться!

— Бьем! Бьем! Вдоль строя, по обочине! — подстегнул гвардейцев Форкс, горяча коня. — Не сваливаемся!

— Куда! Куда! Я с вами! — закричал Равар, но крик получился тонким и слабым, а жалкие слова потонули в грохоте, оре и звоне железа.

Конные с Герсом во главе продвигались вперед, сметая лесовиков, увязших в поединках. Те заметались при виде конных, и провинциалы с порубежниками поднажали. Форкс орал что-то непотребное, и войско воспряло, стряхивая с себя воющую волчью нечисть. Отряд командующего стал сохой, прочертившей борозду порядка на поле растерянности и

страха. Там, где побывал Форкс Герс, провинциалы и порубежники вставали плечом к плечу строем в четыре человека, развернувшись в обе стороны дороги.

Дротики у лесовиков наконец-то иссякли. А вот бесчисленные боевые трубы надрывались по-прежнему. В лесу вновь замельтешили тени. «Где же имперские воины? Сумели зарезать проклятых метателей?» — Равар вглядывался в лес, но ничего не мог разглядеть среди мохнатых елей. Лишь слышались громкие крики и вопли. Вдруг из темнолесья, куврыкаясь, вылетел странный снаряд и ударил в застывший строй воинов, отскочив на обочину и упав под ноги. Приглядевшись, Равар с отвращением разглядел отрезанную голову.

Среди деревьев беззвучно скользили вниз по склону белые фигуры с волосами, стоящими дыбом. Нападающие неслись на битву в первозданной наготе, сжимая странные полукруглые мечи — таких столичному казначею видеть ранее не доводилось. Многие дикари крутили отрезанными головами врагов, заливая себя брызгами крови. Выбежав из леса, обнаженные дикари швыряли головы в противников и двумя руками вздевали кривые мечи. Бывалые имперцы замешкались: обнаженные лесовики с разрисованными странной вязью телами, с белыми, стоящими дыбом волосами и налитыми кровью глазами устроили их. Огромными прыжками голые толгувы бросились вперед.

Охрана наместника чуть выдвинулась и приняла нападавших на копья. Ни один из разрисованных ничего не смог поделаться с гвардейцами Форкса — те деловито работали копьями, прикрывая друг друга. Бездоспешные противники, прыгая на копья и хватая древко руками, так и умирали, не вымолвив ни слова.

— Отбились... Отбились... — прошептал сбитый с толку Равар. Голодранцы не смогли разбить опытных воинов. В голове шумело от волчьего воя, криков боли и звона железа. Чувствуя растерянность всадника, занервничал и конь, прядая ушами и приседая.

— Наместник, — гвардеец твердой рукой схватил жеребца под уздцы, — нам нужно...

Его прервал оглушительный звук рога, волной прокатившись над головами. Казначей и полусотник обернулись навстречу новой напасти. Из-за поворота дороги, куда не так

давно ускакали конные разъезды, появилось вражеское войско, печатая шаг. Ретур мысленно застонал — проклятый бахвал Форкс убеждал, что толгувы никогда не объединятся. Но они это сделали!

Впереди шли воины в шлемах на имперский манер, со знакомыми висячими нащечниками. На их шлемах наметанный глаз казначея разглядел искусно выделанные дубовые ветви. Выпуклые нагрудники, наручи и поножи из начищенной бронзы ярко сияли на солнце, а на поясе висели длинные мечи. В руках перед собой толгувы несли длинные шесты с венками дубовых листьев, перевитых золотыми лентами. Надрываясь, взвыли боевые трубы и рога. Показалась открытая платформа, на которой стоял сутулый высокий старик, опирающийся на посох. За спиной жреца высился, растопырив суковатые ветви-пальцы, бронзовый дуб. На его ветвях качались бурые от крови головы имперцев с вытаращенными бельмами глаз и вываленными наружу сизыми языками.

Помост с дубом и жрецы остановились. Следом показались ровные ряды воинов с большими продолговатыми деревянными щитами. В центре щита виднелось посеребренное вертикальное ребро и железное навершие. Раскручивая мечи над головой, толгувы кинулись в бой.

— Колесницы... За что карашь, Пагот!.. — прошипел полусотник вслед своим воинам.

Из-за поворота выкатывались знаменитые боевые повозки толгувов. Этого Равар вынести уже не мог.

— Полусотник! Пробиваемся назад, к командующему. Быстро!.. — Голос дал петуха, но ветеран склонил голову перед сиятельнейшим.

Озверевшие при виде бронзового дуба лесовики с воем бросались на врагов, рубя клинками и не замечая боли от ран. Гвардейцы отбросили бесполезные копыя и махали мечами. Боевые кони копытами гвоздили врагов, но дикари скользили под ними по земле, вскрывая животному брюшину, или с размаху прыгали на всадника, валя с седла.

— Быстрее! Быстрее! — со страхом крикнул Равар, увидев, как из леса показались воины с длинными щитами. Это уже не бездоспешные оборванцы! Толгувы, раскрутив над головами мечи, страшным ударом сверху вниз сбивали имперцев на

колени. Затем опрокидывали противников наземь пинком в лицо. Бегущие следом копейщики добивали врагов.

Гвардейцы вырвались из лесной ловушки. Показался долгожданный просвет между деревьями. Прикрывающий наместника полусотник покачнулся и рухнул. В спине имперца дрожал дротик. Равар тонко закричал, что есть мочи дергая поводья и закрывая глаза. Конь громко заржал и понесся вперед.

Солнце осветило лицо наместника, и он открыл глаза. Моргая на ярком свете, он огляделся и застонал. Проклятые толгувы! Вокруг одни проклятые толгувы! Лесовики деловито заворачивали телеги обоза, а конные дикари сбивали мечущихся по полю пленных в стадо, словно овец. Знаменитое двойное кресло соправителей вытащили на обочину. Толгувы подтаскивали мычащих от ужаса пленных и усаживали на трон; затем с гиканьем метали копья в беспомощных жертв и сволакивали мертвые тела в сторону.

Вдруг неподалеку послышались лязг железа и топот копыт. Ополоумевший Равар повернулся. Навстречу по жнивью неслась двухколесная боевая колесница. Возничий забрался на спины лошадей, широко расставив ноги и натянув поводья. Воин хохотал как безумец и орал.

— Аэ, Сегимий! Аэ, Сегимий! — восторженно редела толпа вслед, потрясая оружием.

Ретур Равар, несостоявшийся наместник незавоеванной провинции, схватился за меч. Он узнал сумасшедшего возничего — к нему приближался Сегимиус Толгв, а на облучке колесницы болталась отрезанная голова командующего Форкса Герса.

«Как же так?!» — успел подумать казначей, вытаскивая клинок, когда удар сзади кинул его под копыта коня и все вокруг погрузилось в темноту.

Часть первая ДЕКУРИОН В ОГНЕ!

ГЛАВА 1

Ойкон улыбался. Толкнув от себя легкую дверь, он вошел в просторную высокую конюшню. Не просто конюшня — а целый дом! У них в Ойдетте даже сакля старейшины Эйдира — и то меньше! Услышав стук, животные негромко заржали, приветствуя мальчика. Лошадки переступали ногами, махали хвостами и косили большими влажными глазами, поглядывая на вошедшего. Радовались, милые. Им было интересно, что сегодня вкусенького принес Ойкон.

Мальчик вновь улыбнулся. Он притащил маленьких яблочек из дальнего сада, который разросся до самого моста через Джуру. Ойкон распустил горловину заплечного мешка и двинулся вдоль стойл, угощая лошадок по очереди. Сначала мальчик переживал, что яблок не хватит на всех, хотя он нарочно набрал целый мешок. Но потом Ойкон вспомнил, что недавно дан Рокон увел в горы многих лошадок, и успокоился.

Животные вытягивали шеи, выхватывая угощение из рук и щекоча ладонь мокрыми губами. Когда Ойкон жил в Ойдетте, он боялся лошадей, но потом к ним в село пришел Ули, и все изменилось. Ули разрешил покормить Тихоню, и Ойкон сразу полюбил ласковую кобылку. Вот тогда-то Ултер и решил отправить его на Старую виллу, помогать конюху Найваху, у которого много работы, а помощников мало!

Недавно помощников прибавилось — из долины пришли Мотр, Маурх и маленький злой человек, который не умел разговаривать, а любил толкаться и щипаться. Взрослые звали его Мелким, а Ойкон никак не звал, потому что немой маленький человек был злой и обижал Ойкона. Новые помощники пригнали с собой целый табун лошадок, так что работы меньше не стало.

Яблоки в мешке еще оставались, когда Ойкон подошел к дальнему стойлу. Он замедлил шаг. Лошадки присмирели и притихли, поглядывая на мальчика, подошедшего к загородке и заглянувшего внутрь. В стойле стоял огромный черный жеребец. К нему только Найвах заходил! Однажды жеребец покалечил двух горе-помощников конюха, которые посмели войти к Сильному — так звали коня. Так что Ойкон крепко-накрепко выучил: к Сильному — ни шагу! А то убьет!

Ойкон достал три яблочка. Конь громко всхрапнул и ударил копытом в перегородку. Мальчик отпрыгнул, уронив приготовленные румяные плоды.

— Я знаю, ты по своему Тарху скучаешь, — произнес Ойкон, поднимая яблоки. — Я тоже скучаю по папе и маме, — признался мальчик и сделал шагок вперед. Сильный поднял уши торчком и вновь всхрапнул. Но в перегородку уже не бился. — Они ушли в горы с даном Роконом помогать ему строить новый городок. А я остался.

Мальчик сделал еще шагок, а жеребец отвернулся.

— И по Ули я скучаю, — признался Ойкон. — Знаешь, какой он добрый! Он нарочно меня сюда отправил! А здесь хорошо, меня здесь каждый день кормят! И маме с папой хорошо, они теперь не ругаются...

Жеребец мотнул головой и отступил вглубь стойла.

— Только Ули где-то далеко-далеко в горах, — вздохнул Ойкон и положил три неказистых яблочка на брус перегородки. — Сестренки взяли работать на кухню, и я теперь совсем один.

Развернувшись, мальчик двинулся к выходу. Отойдя на пару шагов, он услышал позади хруст разламываемого яблока и улыбнулся. Вдруг послышалось прерывистое мерзкое шипение, и юный конюх вздрогнул: у ворот стоял маленький злой человек и смеялся над Ойконом. Правильно смеяться он не умел, вот и кашлял, как собака, поперхнувшаяся комком шерсти.

Ойкон вжал голову в плечи и подошел ближе.

— Х-кхххее, — просипел злока и треснул Ойкона по макушке, всучив ведро и кивнув на большую бадью.

Ули вздохнул и отправился к роднику. Потирая затылок, он пожалел, что рядом нет Найваха. Молчаливого конюха в

конюшне слушались все: и люди, и кони. А Найвах никому не разрешал обижать Ойкона!

«Вот только старший конюх ушел вместе с даном Роконном, с мамой и папой наверх, туда, где соль нашли», — пожалел Ойкон. Он посмотрел, как струя воды, пузырясь, бьет в ведро. Наполнив его, мальчик двинулся обратно. Бадья была здоровущей, и ходить туда-сюда по двору предстояло целый день.

Немудрено, что Ойкон умаялся. Повечеряв в трапезной с остальными слугами, мальчик решил принести еще пару ведер, а потом идти спать. В большом длинном доме недалеко от трапезной у Ойкона был свой закуток. Наполнив бадью полностью, он прилег передохнуть в копну сена в уголке конюшни и сам не заметил, как заснул.

В сене было тепло, в конюшне привычно пахло лошадаками — Ойкон спал сладко и крепко. Заблудившаяся букашка поползла по шее. Он спросонья смахнул надоеду, и она ужалела мальчика и улетела.

Ойкон проснулся. Уже стемнело, по углам скреблись мыши, а лошадки беспокойно топтались и фыркали. На каменном полу напротив входных ворот стояла зажженная лампа, отбрасывая вокруг скудные отблески света.

«И что она тут делает? — удивился Ойкон. — В конюшню нельзя с огнем, Найвах строго-настрого запретил! Сено ведь вокруг и дерево».

Мальчик поднялся и двинулся навстречу огоньку, чтобы убрать светильник. Пройдя немного вперед, он краем глаза заметил наверху большую тень. Тьма шевельнулась.

«Клибб!» — испугался Ойкон, присел и прижался щекой к стенке стойла. Тень наверху опять зашевелилась — кто-то возился на центральном бруске под крышей! Вскоре глаза Ойкона привыкли к огоньку-плясуну, и он смог разглядеть немного злого человечка. Оседлав брус, он болтал в воздухе ногами. Перед ним лежал раскрытый мешок, и человечек один за другим доставал небольшие кругляшки — то желтые, то белые. Он любовался ими в неровном свете, совал в рот и прикусывал, а потом прятал обратно.

— Ни-иишшее-ффоо, ниш-ш-ше-ффо, — вдруг донеслось до Ойкона. Человечек чуть слышно позвенел мешком, затягивая горловину. — Ни-ии-шшше-фффо.

Мелкий поднялся, ловко переступая по брусу, прошел пару шагов до стены и вытащил плоский камень.

— Ше-шашь, ше-шашь, — приговаривал Мелкий, заталкивая мешок в дыру в стене. — Ше-шашь, ше-шашь...

«Сейчас, сейчас», — догадался мальчик и вдруг понял, что Мелкий и вправду на самом деле клибб, который только притворяется человеком! И как он раньше не догадался?!

При этой мысли Ойкон заерзал от нетерпения, и лошадка за перегородкой призывно заржала. Гадкий клибб, вставляющий камень обратно, вздрогнул и повернулся, сразу разглядев Ойкона. Зашипев рассерженным котом, он спрыгнул со стропила, мягко приземлившись на руки и ноги. Не поднимаясь, на четвереньках побежал к мальчику, недобро скалясь, вихляясь и подпрыгивая. Ойкон запищал от ужаса и метнулся прочь. Он несся по широкому коридору, пока не уперся в стену. Лапа клибба больно схватила его за шею и развернула лицом к себе.

Мелкий вжал его в стену и достал нож. Холодный острый кончик вжался Ойкону в живот, и мальчик заскулил. Сбоку раздалось оглушительно громкое гневное ржанье и мощный удар копытом сотряс перегородку. Клибб покосился на нож в своей руке и зло дернул губой. Сильный вновь заржал в стойле и саданул в перегородку.

«Ношом нисся... Ношом нисся», — прошептал Мелкий. Ножом нельзя!

Клибб вдруг недобро ухмыльнулся и убрал клинок. Он со всей силы тряхнул Ойкона так, что голова мальчика ударилась о стену. Схватив мальчишку, Мелкий перекинул легкое тело через загородку в темноту стойла, к ярящемуся жеребцу. Послышался противный смех кашляющей собаки.

Ойкон понял: клибб решил не резать его ножом, а подкинул под копыта Сильному, чтобы тот затоптал его. Тогда никто так и не узнает, что Мелкий — это клибб, и он и дальше сможет жить среди людей. Мальчик пополз вперед, ворошась в колючем сене, пока не уперся лбом в перегородку. Забившись в угол, он обнял себя за колени и заплакал.

Сильный перестал биться. Переступил ногами, цокнув копытом. Темнота рядом шумно дышала, и воздух дрожал, а Ойкон беззвучно плакал и не мог остановиться. Вдруг он почувствовал на лице горячее дыхание жеребца и зажмурил-

ся. А Сильный лизнул его! А затем еще и еще! Ойкону стало щекотно, и он засмеялся, отталкивая коня от себя. Вот только Сильный не уходил, продолжая лизаться. Ойкон громко засмеялся, отворачиваясь, обнял жеребца за шею и встал.

Жеребец вдруг насторожился и всхрапнул, ударив копытом. Из коридора донеслось злое шипение. Ойкон осторожно подошел к загородке и выглянул. Гадкий клибб и не думал отступать! Он возвращался обратно, неся зажженный светильник, сжимая в другой руке плотно увязанный пук сена.

— Ше-шашь, ше-шашь, — донеслось до Ойкона. — Ше-шашь, ше-шашь...

Лампа раскачивалась, свет прыгал от стены к стене, и мальчик понял, какую пакость задумал злой клибб. Он же хочет поджечь стойло, чтобы Сильный забил Ойкона копытами! Но тогда красивый конь сгорит и другие лошадки тоже умрут!

Жеребец положил тяжелую голову сзади на плечо Ойкону. Мальчишка на прощанье обнял его и поцеловал в нос. Потом юркнул вниз, под перегородкой, и метнулся к клиббу. Тот не ожидал такого, и Ойкон юркнул мимо, убегая прочь. Быстрее, быстрее!

Испуганным зайцем Ойкон несся по коридору, толкнувшись в ворота. Его отбросило назад. Заперто! Ойкон откинул засов, дернув дверь, выбежал во двор. Обрадовавшись, рванулся вперед, но сильный удар между лопаток свалил на землю.

Ойкон больно ударился и перевернулся на спину. Клибб стоял над ним, держа в руках деревянную лопату. Мелкий размахнулся и врезал по Ойкону. В последний миг Ойкон скинул руки, защищая голову.

— Что? Что? — зашумели позади, и дверь распахнулась. Заспанные, всклокоченные Мотр и Маурх застыли на пороге. Увидев, как разъяренный товарищ избивает паренька, они подбежали и оттащили Мелкого. — Ты что? Забьешь мальчика!

Ойкон заскулил и пополз по двору. Прочь отсюда, прочь, прочь! Злой клибб, рассерженно шипя, оттолкнул Мотра и достал нож. Маурх вновь потянулся, и обезумевший уродец полоснул ножом по его ладоням. Лошадник взвыл.

«К воротам! К воротам! Там стражники, они добрые! Они защитят», — приговаривал Ойкон, перебирая локтями и коленями. Какая-то неведомая сила удерживала его на земле, и он полз по двору, так и не поднявшись на ноги. Вдруг впере-

ди, в проеме между конюшней и сараем, почудилось движение. Ойкон не сразу понял, в чем дело, и чуть не влетел лбом в ноги показавшегося из темноты человека. Мальчик поднял голову, глядя снизу вверх.

В скудном лунном свете виднелась бесформенная фигура в просторном плаще. На голове незнакомца виднелся острый высокий капюшон. Никого похожего в имени Ойкон раньше не встречал. Человек легонько пнул Ойкона, отбросив со своего пути. Подняв руки, незнакомец поправил края капюшона.

Несущийся с выпученными глазами клибб, увидев фигуру в капюшоне, остановился и встал столбом.

— Сейчас, — негромко произнес человек в капюшоне. — Этих — живьем.

Из сумрака позади клибба вдруг появилась тень воина в доспехе и треснула Мелкого плашмя мечом по затылку. Другие тени, тоже взявшиеся из ниоткуда, подскочили к порезанным Маурху и Мотру и оглушили. Вдруг за оградой раздался оглушительно громкий, звонкий, требовательный глас горна. «Ту-ту-ту-ту! Вперед, вперед!» — звал горн. Огоньки стражников у ворот забеспокоились, забегали туда-сюда. Ойкон пополз назад, к спасительной конюшне, но человек в капюшоне наступил ему на спину и велел:

— Лежи тихо.

Ойкон вжался в землю и смотрел, как мимо несутся воины-тени. Темнота между постройками рожала их одного за другим. Воины были чужими, плохими, мальчик сразу это понял, разглядев железные доспехи и темные плащи. В руках они сжимали мечи. В ворота вдруг тяжело стукнуло снаружи, стражники заругались, раздалась короткая команда...

Воины-тени ударили ничего не подозревающим дозорным в спину! Добрые стражники не ожидали такого и не успели построиться. Чужие воины подбегали по двое, взмахивали мечами и неслись дальше. Ойкону стало страшно, и он отвернулся.

Горн продолжал подгонять нападавших, и ночь ожила: кричали воины, стукнули створки распахиваемых ворот, раздался топот скачущих лошадей. Во двор ворвались всадники, и вокруг стало светло как днем — так много факелов они привезли с собой.

Ойкон поднял голову. Всадники с хохотом растекались по имению. За ними торопились пешие воины, сжимая в руках короткие мечи.

— Чтоб ни одна ложка, ни один нож не пропал! — гаркнул им в спины здоровенный мужчина в блестящем доспехе. — И не пожгите ничего!

Он остановил коня рядом с Ойконом и снял гребнистый шлем, тряхнув рыжими волосами. Сопя, командир протянул шлем назад, и кто-то из окружающей толпы всадников тотчас его принял.

— Сплетник! Что с имперским именем за рекой? Что с селом? — отрывисто спросил рыжий, отирая пот со лба.

— В имении одни рабы и слуги. Оно твое, сиятельнейший Крент! В селе нам помогли, теперь там твои воины... — Наконец-то человек в капюшоне убрал ногу с Ойкона, кланяясь всаднику.

— Не зря мне тебя Элса всучила, благослови Пагот эту умную женщину, не зря! — довольно хохотнул рыжий. — Хорошо твои умельцы в ночи работают. — Он покрутил головой, разминая шею, и заметил сидящих спиной к спине Мотра, Маурха и клибба. Те трясли головами и со страхом глядели вокруг. — А эти откуда? Кто такие?

— Местные, — донеслось из-под капюшона. — Чуть все не испортили. Во двор выбежали, драку учинили...

— На столб, — велел рыжий.

Двое горбоносых смуглых воинов спрыгнули с коней и бросились к сидящим на земле. Схватив Мотра и Маурха, они переглянулись, достали ножи и склонились над пленными. Послышались отчаянные вопли, а затем раздался дружный смех.

— Славься, Пагот! Пусть смеется железо! Пусть смеется железо! — слышались одобрительные выкрики из толпы.

— Взрежем улыбки! — хохотнул один из горбоносых, таща за шкуру воющего от боли Мотра. Лицо у него было страшно исполосовано, рот и грудь залиты кровью, глаза выпучены. Не переставая, он кричал от боли.

Один из воинов двинулся к Ойкону, и мальчик понял, что ему тоже сейчас вырежут улыбку. Он заскулил. Вдруг злой клибб, к которому тоже подошел воин с ножом, бросился вперед, под копыта коня рыжего командира.

— Ко-шпа-динн! Ко-шпа-динн! — зашипел он, извиваясь в пыли. — Ко-шпа-динн! Шо-ло-то! Шо-ло-то!

Конь всхрапнул и переступил ногами. Недомерка схватили и оттащили.

— Что он там причитает, недоносок? — брезгливо пробурчал рыжий.

— Мне кажется, золото... — задумчиво ответил человек в капюшоне.

— Шо-ло-то, — забился клибб. Лягнувшись, он вырвался и вновь повалился в пыль. — *Шолото!*.. — изо всех сил зашипел он.

— Золото? — Рубанув воздух ребром ладони, рыжий остановил воинов. Ойкона уже вздернули вверх, стиснув руки за спиной. Но по взмаху господина всех тотчас отпустили.

— Золото? — переспросил рыжий, подъехав вплотную к клиббу и склоняясь.

— Шолото, шолото, — часто закивал Мелкий. — Ши-шнь — шолото. Шишнь — шолото.

— Что? Что? — скривившись, спросил командир.

— Жизнь — золото, сиятельнейший, — вновь негромко перевел человек в капюшоне.

— Пагот-весельчак, гляди! Эта сволота мелкая еще и торгуется! — воскликнул рыжий, разглядывая недомерка. Неподалеку раздался дружный хохот, громом грянувший в ночи, и все обернулись. К воротным столбам железными штырями прибили Мотра и Маурха, которые дергали руками и ногами, жалобно мыча. — Жизнь за золото от шепелявого коротышки! Хорошая шутка! — кивнул воин в блестящем доспехе.

Клибб поднялся и, пошатываясь, двинулся в сторону конюшни. Двое горбоносых воинов ступали за Клопом, держа мечи наголо. Командир в блестящем доспехе тронул поводья и двинулся следом. Ойкон пошел за ними, а человек в капюшоне ступал рядом.

Перед входом в конюшню рыжий спешил, и они вошли внутрь. Мелкий забрался на брус и достал мешок из стены. Спрыгнув, клибб дрожащими руками распахнул его перед важным господином, встав на колени. Разглядев содержимое, рыжий торопливо приблизился, запустив пальцы внутрь. Он выхватил мешок из рук клибба, торопливо увязывая.

— Славно, славно... — бормотал он.

— Шишнь? — несмело подал голос Мелкий, стоя на коленях.

— Жизнь, жизнь, Пагот — свидетель, — рассеянно кивнул рыжий и двинулся по широкому проходу между стойл, покачивая мешком. По обе стороны чуть позади шли воины с факелами. Лошадки пугались запахов крови, чужих голосов и огня.

— Увести, — чуть слышно произнес в сторону человек в капюшоне. Взявшиеся из ниоткуда воины-тени схватили Мелкого за локти, приподняли и унесли прочь.

— Пагот-хохотун, славная шутка! — приговаривал под нос рыжий господин, заглядывая в стойла. Мешок в руке покачивался в такт шагам. — Славная... — Он вдруг поперхнулся, дойдя до конца коридора. Послышалось громкое гневное ржание, и Ойкон узнал голос Сильного. — Пагот милостивый!!! — заорал рыжий. — Вот это чудо! Такое чудо в этой дыре!!! Выведите этого красавца во двор, я хочу посмотреть на него!

Сопровождающие бросились к стойлу, и Ойкон поспешил вперед. Куда! Нельзя к Сильному, нельзя!! Распахнув дверцу, горбоносые смело сунулись внутрь... И тут же вылетели назад, впечатавшись спинами в стену напротив. Следом выметнулся жеребец. Людишки с поднятыми факелами разозлили его. Он откинул грудью рыжего здоровяка, взвился в воздух, молотя передними ногами, и громко заржал.

Испуганная свита, сжимая копыта наперевес, бросилась вперед. Они перепугались, что жеребец сейчас стопчет их господина, лежащего у стены. Сиятельнейший Крент, усыпанный разлетевшимися монетами и соломой, очумело крутил головой по сторонам. Ойкон понял, что копейщики сейчас пронзят острыми копытами Сильного и убьют коня.

— Не трогайте! — крикнул он, расталкивая воинов и бросаясь вперед. — Не трогайте!

Он подбежал к жеребцу, увернулся от копыт и повис на шее Сильного.

— Ну успокойся, успокойся, хороший мой, — шептал он в ухо жеребцу, поглаживая его между глаз. — Успокойся, они просто не знают, какой ты сильный... Успокойся...

Конь, услышав свое имя, перестал биться и положил голову на плечо Ойкону, гневно фыркая и переступая ногами.

— Он огня вашего боится, — пояснил мальчик, оборачиваясь. По-имперски он говорил плохо, но его поняли.

— Пагот-шутник... — облегченно засмеялся лежащий в груди монет рыжий господин. — Деревенский дурачок — и конь, достойный императора... Чтобы никто и пальцем не тронул коня — на нем я с триумфом въеду в Атриан, вернувшись с войны! — приказал он. — И мальчика не трогайте — пусть пока присмотрит за жеребцом, — и рыжий одобрительно улыбнулся мальчику.

Ойкон несмело улыбнулся в ответ. Он понял, что страшные чужие воины не будут больше обижать ни его, ни Сильного. Он обнял жеребца покрепче и увел обратно.

Тем временем Сплетник, пользуясь поднявшимся переполохом, незаметно выскользнул из конюшни. Подручный махнул рукой в сторону сарая. Войдя и плотно затворив за собой дверь, соглядатай увидел шепелявого, сидящего на табурете и со страхом косившегося на молчаливых охранников за спиной.

— Шолото, шолото... — чуть слышно прошептал Сплетник, передразнивая недомерка, и тот вскочил, кланаясь. Его тут же усадили обратно, придавив за плечи.

— Шолото, шолото, — вновь напел человек в капюшоне, приближаясь к пленному вплотную. — И откуда же у тебя золото? И кто же ты у нас такой? — задумчиво пробормотал Сплетник, разглядывая Клопа.

— Хм. — Решив что-то, Сплетник щелкнул пальцами и велел: — Задери штанину.

Недомерок сжался, заерзал на табурете и с неохотой закатал штанину. Лодыжка была испещрена тонкими белыми шрамами — «подарками на память» от надсмотрщиков.

— Так я и знал, — кивнул незнакомец. — Колодец... Больно секут скайды, так ведь?

Клоп со страхом посмотрел на страшного человека, который за пару мгновений хрупнул его тайну, как гнилой орех.

— Шолото, шолото, — вновь напел Сплетник, размышляя. — Монеты разные... Золотые и серебряные... Есть парочка еще Старой Империи... Хм, — Сплетник вновь громко щелкнул пальцами. — Да ты любитель пограбить могилы, мой друг? — прошелестело из-под капюшона, и Клоп свалился с табурета на колени. Беглых рабов и гробокопателей в Импе-

рии казнили лютой казнью, сдирая кожу или прибивая к столбу вниз головой.

— Да ты у нас настоящее маленькое чудовище, мой дружок, — рассмеялся Сплетник и тут же посерьезнел, махнув рукой. Пленного усадили обратно. — А теперь говори. Рассказывай все. От начала и до конца...

— Ф-сс-о, ф-сс-о, — засвистел Клоп, мелко кивая и заливаясь слезами. Страшный провидец в капюшоне навел на него жути. — Ф-сс-о, ф-сс-о.

Давясь рыданиями и с трудом ворочая непослушным обрубком языка, Клоп начал рассказ, как злые люди подбили его на бунт в Колодце. Сплетник, услышав посвист, хлопанье и пришепетывание, доносящееся от пленного, недовольно покачал головой.

— Нет... — начал он, когда дверь за спиной распахнулась, ударяясь о стену.

— Сплетник! — прогремел грубый голос Крента Гриси. — Поганый хренотёр! Что ты тут замыслил? Уже и здесь затеваешь свои штучки? Уволок из-под меня денежный мешок, паскуда, и думал, я не замечу?

— Сиятельнейший! — согнулся в поклоне человек в капюшоне, а Клоп вновь повалился с табурета. — Я всего лишь допрашиваю этого недостойного, чтобы узнать...

— Паскуда! — беззлобно захохотал Крент, оборачиваясь к воинам. Те несмело заулыбались в ответ — ржать над Сплетником в открытую они не осмелились. — Так и я хочу узнать, Сплетник! — Зайдя в сарай, командующий погрозил кулаком. — Не крути мне здесь, не крути!! Тут тебе не Атриан, Элса не вступится... — Зло сопя, Крент посмотрел на склоненную фигуру. Удовлетворившись увиденным, он хлопнул собеседника по плечу. — Ладно, Сплетник. Рассказывай, что узнал...

— Что уж тут слушать, сиятельнейший? — раздалось из-под капюшона. — Коротышке отхватили язык, и бедолага шепелявит столь немилосердно, что едва ли что можно понять из этой мешанины...

Крент Гриси зло запыхтел, и Сплетник торопливо продолжил:

— Но я понял, сиятельнейший, что он беглый раб из Колодца. А золото уволок из Города мертвых. Так ведь? — неожиданно хлестнул строгий властный голос.

Клоп закивал и еще сильнее вжался в земляной пол.

— Город мертвых? — переспросил Крент.

— Это древнее кладбище для горской знати где-то высоко в горах, сиятельнейший. Признаться, я думал, это сказки...

— Древнее, значит... — заинтересовался Крент. Он носком сапога поддел Клопа за подбородок, приподнимая голову пленного лицом вверх. — Есть там еще золото? — процедил он, уставившись в бегающие глазки недомерка.

Тот дернул кадыком и кивнул.

— Много? — алчно спросил Крент.

Клоп понял, что жуткая казнь откладывается, и вновь за-
тряс головой.

— И дорогу сыщешь? — Вновь кивок недомерка.

Крент пристукнул мечом в ножнах. Размышляя, покачал-
ся с пятки на носок.

— Село мы взяли, обе виллы тоже. Вход и выход из долины
перекрыли, — уговаривал сам себя командующий. — Найди
мне проводника из местных к этой соляной пещере, хватай
своих людей — и топай в Город мертвых, Сплетник! — пове-
лел Крент.

— Осмелюсь напомнить, сиятельнейший Крент, — согнув-
шись в глубоком поклоне, ответил человек в капюшоне, — что
сиятельнейший Сивен Грис, наместник провинции Атариан,
велел мне под видом горцев напасть на виллу в предгорьях,
дабы создать предлог для войны... Повинуюсь твоему прика-
зу, мы так до сих пор этого и не сдела...

Крент Грис в ярости пнул склоненного собеседника в жи-
вот, и Сплетник грохнулся навзничь, разметав стоящие поза-
ди деревянные лопаты и грабли. Падая, он поднял руки, удер-
живая капюшон. Из распахнувшейся на груди хламиды выва-
лился наружу и повис на бечевке странный громоздкий аму-
лет — грубая деревянная решетка.

— Мне нужно это золото! — еле сдерживаясь, чтобы не за-
орать, прошипел Крент. — Ты знаток этих гор! Бери людей,
хватай недомерка и принеси мне золото! Я поделюсь монета-
ми, — не только Элса умеет быть благодарной!

— Сиятельнейший... — мягким голосом начал Сплетник,
поднимаясь. — Сейчас зима, дорогу в горах над долиной заме-
ло. Мы не пройдем...

Крент фыркнул.

— И мне и вправду нужно исполнить повеление наместника... Иначе в Арне могут не понять — к чему это самоуправство и чего ради мы затеяли войну с горцами... сиятельному Сивену пока нечем прикрыться от расспросов арнского престола...

— Арна сейчас смотрит в земли толгувов, — оборвал командующий, смягчаясь. — Им не до нас... Но приказ брата должен быть исполнен, верно. Поторопись, — покачал он указательным пальцем. — Можешь занять имперскую виллу за рекой; все равно Алиас Фугг надолго застрял в Колодце... А вот его, — он ткнул в сторону сжавшегося на полу Клопа, — я покамест заберу.

Крент удалился, и испуганного недомерка утащили следом.

— Элса, Элса... — чуть слышно пробормотал Сплетник. — Элса, девочка... Как же ты умудрилась выбрать Сивена и породниться с этим ничтожным семейством? Любовь зла...

Двинувшись к выходу, Сплетник размышлял о превратностях судьбы. С юности он был частым гостем в семье Эттик, выполняя щекотливые поручения Торгового союза. Элса выросла на его глазах. Когда юная госпожа расцвела и выбрала в мужа столичного щеголя, отец подарил им провинцию Атариан. Дабы интересы Торгового союза не пострадали, в свиту супружеской пары определили незаметного порученца, который и спустя годы исправно составлял отчеты напрямую для глав Союза.

Откуда-то из глубины имения послышался рев Крента Грися, и Сплетник покачал головой, глянув за спину. Молчаливые помощники в темных плащах привычно скользили следом.

— Коня, — коротко приказал Сплетник. — Едем в Архогу.

Горское село встретило их настороженной пустотой и тишиной. Ворота заперты, улицы и площадь пусты. Имперские конные разъезды за околицей и дозорные в наскоро сооруженном посту на выезде из Архоги давали понять, кто здесь нынче хозяин. Отряд пересек площадь и приблизился к большому дому старейшины. Из калитки выскочил мальчишка и столкнулся с всадниками нос к носу.

— Мерех! Куда! Мерех! — донеслось со двора.

Мальчуган сверкнул черными глазами и побежал назад. Слуги суетились, распахивая ворота. На крыльце гостя встречал глава дома — седой грузный старейшина Мадр; Сплетнику уже доводилось видеться с ним раньше. На ступеньку ниже отца стоял высокий рослый мужчина, похожий на старейшину. «Мадлл, сын Мадра», — вспомнил Сплетник. Мальчишка заскочил на крыльцо и встал рядом со старшими, на ступеньку ниже Мадлла, положившего руку на плечо сыну.

«И Мерех, значит. Вся семья в сборе».

Мадр и Мадлл склонили головы, приветствуя гостя. Упрямый мальчишка с вызовом глянул на имперца, но получил подзатыльник и спрятал наглые глаза.

Сплетник усмехнулся, спешиваясь. Он знал, что темнота капюшона скроет улыбку.

«Трудненько старейшине совладать с односельчанами, если даже в собственной семье разлад... — отметил Сплетник. — Ишь как зыркает, волчонок. Не по нраву ему, что Империя верховодит в родном селе».

Мальчишку хотели отослать, но Сплетник воспротивился. Его посетила одна интересная мысль...

— Почто сторожей выставили? — пробасил старик, тряся жирным подбородком, едва гость опустил за стол. Сплетник оказался прав — старейшине приходилось туго. — Я Архогу перед вами положил, как сговорились. Никто с оружием против не встал... Зачем тогда разъезды? Наверх, в Андану, почто не пускаете?

Первым делом после штурма Старой виллы Крент намертво перемкнул долину поперек села, дабы новости не двинулись дальше, вглубь гор. Жителям Архоги это пришлось не по сердцу.

— То не моя прихоть и не забава командующего, сиятельного Крента, — пригубив превосходное вино и отломив сыра, ответил Сплетник. — Это повеление наместника, сиятельного Сивена Грися, которому я служу... Теперь наконец настало время, и можно открыто сказать, что и ты ему служишь... Ведь так, старейшина?

Старик упрямо сжал губы и мазнул глазами по сыну и внуку.

— Ведь так? — надавил Сплетник.

— Так, так... — проворчал седой старик и вскинулся. — Но люди волнуются! Подымется село, как есть подымется!

— Значит, Крент задавит бунт. В дорожниках недостатка нет, — пожал плечами Сплетник. — Сходи к Старой вилле, глянть. Двое конюхов уже висят на воротах — вздумали драку затеять. Уж коли что случится — тебя, Мадр, командующий приколотит к столбу первым. На площади. — Сплетник махнул рукой в сторону плотно прикрытой двери.

Мальчишка вскочил, собираясь что-то выкрикнуть, но отец схватил его за шкирку и рывком посадил обратно. Сплетник понял, что пора немного умаслить кашу, а то уж слишком суховатым получалось у него варево.

— Отличное вино! — похвалил он терпкий напиток. — Такое я пробовал только в покоях наместника... Богатое село Архога! На осенней ярмарке каждый двор, каждый угол забит товарами. Где, как не здесь, встать на постой имперским купцам? Сколько звонких монет оседает в мошне жителей Архоги?! Зачем таким богатым сельчанам бунтовать? — удивился Сплетник. — А еще... говорят, в жилах старейшины Мадра течет кровь первого князя долины, храброго Домархи?!

— Говорят, — уклончиво ответил старейшина. Пальцы его мелко задрожали, и он спрятал руки под столешницу.

— Ты неплохо знаешь наши предания и обычаи, чужак, — с неприязнью заметил Мадлл.

— Неплохо? — хмыкнул Сплетник и расхохотался. — Неплохо?! О, ты даже не представляешь насколько! Взять, к примеру древний горский обычай побратимства... Вот у тебя, Мадлл, есть гьерд-побратим?

Мадлл дернулся, словно проворонил вражеский выпад копыя. Старейшина вскинул брови.

— Молчишь, Мадлл? Как думаешь, отец знает, что у тебя есть гьерд-имперец? — хмыкнул Сплетник.

— Кто? — глухо спросил старейшина, наливаясь дурной кровью. — Кто?! — заорал он, ударив кулаком по столу.

— Арратой, — вместо горца весело ответил Сплетник. — Гьерд по имени Арратой.

Услышав имя, старик тяжело опустился на скамью.

— Арратой... Арратой, — пробормотал. — Помощник Аркобы, да?

Мадлл громко сглотнул и молча кивнул.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ДЕКУРИОН В ОГНЕ!	19
Часть вторая. ГОРЫ НЕ МЕНЯЮТСЯ...	160
<i>Эпilog</i>	276